

Научная статья

УДК 394

doi: 10.17223/22220836/46/24

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В МИФОИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МАНСИ

Ольга Михайловна Рындина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
rynom_97@mail.tomsknet.ru*

Аннотация. Статья посвящена реконструкции в исторической ретроспекции образов пространственно-временного континуума в этнической картине мира манси. Выражением образов служит вещный мир, сконцентрированный в фольклорной сфере. Автор выделяет три периода в мифопоэтической истории манси: эпоху первотворения, эпоху второго поколения небожителей и человеческую эпоху, при этом в разных фольклорных формах проявления человеческой природы. Раскрывается положение о том, что для каждого мифопоэтического горизонта исторической памяти манси характерна собственная интерпретация времени и пространства. Вместе с тем отмечается, что наличие пространственно-временных порталов как каналов связи между различными историческими горизонтами перемежает специфику выражения пространства и времени, свойственную периодам, в общей картине мира манси.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, картины прошлого, образы пространства и времени

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00329) «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова».

Для цитирования: Рындина О.М. Пространство и время в мифоисторической памяти манси // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 276–289. doi: 10.17223/22220836/46/24

Original article

SPACE AND TIME IN THE MYTHICAL-HISTORICAL MEMORY OF THE MANSIS

Olga M. Ryndina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
rynom_97@mail.tomsknet.ru*

Abstract. The paper is devoted to the reconstruction in historical retrospection of the images of the space-time continuum, expressed through the material world of the Mansis ethnic culture and concentrated in the folklore sphere. The methodology is set by the postulates about the specificity of mythological thinking, refracted in relation to time and space. The source base was made up of the Mansis folklore texts collected from the beginning of the 20th century.

Following his predecessors, the author distinguishes three periods in the mythological and poetic history of the Mansis. The classification is based on the principle of generational affiliation of the main characters.

The first period is associated with the era of primordial creation and the “old couple” or the supreme deity Num-Torum. Time and space in it are substantial and are expressed through the images of water and earth. Infinity, as the initial state of space, is replaced by a measurement through time, which emphasizes its finiteness and limitation. The principle of trinity dominates in the reckoning of time.

The second period is set by the acts of the sons of the supreme deity – Taryg-peshch-nimal'sova and the bear. The space is described multidimensional: the earth and near-earth spheres – the sky, the underground, the water and the southern land of Mortim-maa, as well as the underworld or the dead world. Particular attention is paid to the “bark soil”, which is characterized by landscape: first of all, rivers, but also swamps, thickets, mountains, manes. The idea of “one's own land” as a personal form of connection with space is fixed. The culture of the space is emphasized, the signs of which are villages, fortresses, barns, plague, and the sacred part – “sacred place” – stands out. The perception of time is also distinguished by multidimensionality. On the one hand, relativity is attributed to it due to the opposition “far – close”, correlated with movement, on the other hand, there is time reckoning with the help of the light and dark parts of the day, accentuation of morning and evening as the prologue and epilogue of the day.

The third period becomes the arena of human action, and in various folklore forms of manifestation of human nature – Ekva-pyris, people-heroes, the progenitors of the phratries Por and Mos. The main thing here is activities and actions through which the feeling of time-space is transmitted. Space is thought of locally, although the degree of local concretization is different: on the one hand, an indefinitely distant territory, and on the other, a topographically verified reference to real settlements and geographical objects. The interpretation of time, and above all in the heroic epic, is as close as possible to the linear historical. During this period, there is the most developed system of calculating time, in which astronomical units dominate – the year as the sum of winter and summer, day and night. At the same time, the day is interpreted both as the time of human life and life itself.

The presence of spatio-temporal portals intersperses the specifics of the expression of space and time, inherent in periods, in the general picture of the Mansi world.

Keywords: traditional worldview, pictures of the past, images of space and time.

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00329) “Interpretation of the linguistic and cultural history of the Mansi people: ethnographic, folklore and linguistic materials of the V.N. Chernetsov Archive”.

For citation: Ryndina, O.M. (2022) Space and time in the mythical-historical memory of the mansi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 46. pp. 276–289. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/24

Понимание исторической памяти как процесса концептуализации представлений о прошлом, протекающего в коммуникативной среде и детерминированного потребностями современности [1. С. 10–11], оказалось весьма востребованным в исторических дисциплинах при усилении в них гуманистического начала. В качестве базового структурного элемента исторической памяти, или воображаемой «картины прошлого», включающей в себя солидный элемент мифологизации, признан образ прошлого как устойчивый набор культурных символов, посредством которых раскрывается смысл исторического существования народа и система принятых и транслируемых им ценностей. Иерархия образов составляет «карту исторической памяти», в которую инкорпорированы разнообразные знания – иррациональные, рациональные, научные [2. С. 249].

В традиционном обществе карта исторической памяти базируется на мифологическом мышлении – «системе понятий, как бы вклеенных внутрь образов» [3. С. 322], т.е. абстрактные понятия выражаются в нем посредством образов конкретных предметов. В силу этого и исторические представления «вклеиваются» внутрь предметно-образного мира, наполняющего традиционную культуру. В недрах последней историческая память формируется на уровне этноса, при этом важнейшим каналом ее трансляции служит устное сообщение, и прежде всего фольклор. Из всех фольклорных жанров в каче-

стве наиболее емких по содержанию в них «картин прошлого» предстают эпические – мифы и героический эпос.

В фольклорное наследие коренных народов Северо-Западной Сибири весьма ощутим вклад обитателей левобережных притоков р. Оби – манси (вогулов). Не претендуя на реконструкцию всей карты исторической памяти, закодированной в эпических фольклорных жанрах манси, остановлюсь на ее пространственно-временных образах, составляющих важнейшую часть, и модели мира, представленной у данного этноса. Под моделью мира понимается «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [4. С. 161].

В архаичной модели мира, создающей фундамент традиционной культуры, пространство и время мыслятся по-особому. Укажу лишь на те его характеристики, что определены предшествующими исследователями и выступили в роли методологической основы при исследовании образов прошлого у манси. Пространство в традиционном мировоззрении неотделимо от времени, они образуют непрерывное единство – хронотоп. Пространство не мыслится абстрактным, пустым, «оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует». И кроме того, пространство оживлено, одухотворено и качественно разнородно [5. С. 340]. Время членится на «мифическое», «начальное», «правремя», вместившее в себя создание нынешнего состояния мира, и «профанное». При этом явный приоритет принадлежит первому, ибо именно его содержательное ядро служит первопричиной дальнейших эмпирических событий и образов, а магическая эманация мифического времени доходит до современности через обряды и сны. Регулярное воспроизведение мифического времени через обряды дополняет его линейную модель циклической [6. С. 252–253]. Реконструкция образов пространственно-временного континуума в исторической ретроспекции, выраженных через вещный мир этнической культуры манси и сконцентрированных в сакрально главенствующей сфере мифов и обрядов, и составит основную задачу настоящего исследования.

Исследовательская традиция по реконструкции модели мира манси заложена финским лингвистом А. Каннисто. И хотя в его интерпретации собственных полевых материалов по мифологии, собранных в начале XX в., отсутствует целостная характеристика пространственных и временных координат картины мира, тем не менее содержится ценная информация о них. Структура пространства предстает как двумерная: модель трехчастной вертикали – небо, мир людей и нижний, а также горизонтальная гидрологическая модель, заданная р. Обь. При этом модели взаимосвязаны, возможны переходы из одной в другую, а каналами связи служат дыра (при перемещении из мира людей в нижний) и лестница (при перемещении из мира людей на небо). В представлении о времени отчетливо обнаруживается цикличность, смыкающая начало нового витка, и потоп как его завершение [7. С. 205, 207, 212–215].

К пространству и времени как объектам изучения в обско-угорской традиции ученые активно обратились со второй половины XX в., начиная с Е. Шмидт. Пространственные ориентиры, согласно реконструкциям исследовательницы, заданы двухчленной горизонтальной и трехчленной вертикальной моделями – Верхний, Средний и Нижний миры. Небо отличает 7-слойность

[8. С. 28]. Средний мир – сочетание вертикальной и горизонтальной трехслойности. Вертикальные слои свойственны сфере природы: три уровня растительности и три уровня полета птиц, а горизонтальные – сфере человека: селение, зона священных площадок и деревьев и зона обитания животных и сверхъестественных существ [Там же. С. 31–32]. Нижний мир в качестве рубежа имеет талую и мерзлую землю, включает не тождественные друг другу страну духов болезни и страну мертвых и состоит из трех ярусов [Там же. С. 29, 33]. Моделирование временных смыслов укладывается в три эпохи. Изначальная эпоха с первичными океаном, разрастанием из изначальной точки земли и действиями «старой пары». Эпоха становления миропорядка с главным героем – седьмым сыном верховного бога. Эпоха богатырей, или «воинственная эпоха», которая, в свою очередь, состоит из первого периода, «богатырского века» с деяниями первого поколения богатырей – сыновей верховного божества, и второго периода «богатырского века», соотносимого с историческим временем княжеств. Параллельно с богатырской традицией, не смешиваясь с ней, существует период прародителей фратрий Пор и Мось [Там же. С. 34–35].

К рассмотрению пространства и времени в обско-угорской традиции обращается и А.В. Головнёв. В его трактовке пространство многомерно, поскольку включает в себя географические, социальные, сакральные и профанные координаты, и определено дихотомией Дом – Лес, при этом исследовательское внимание сосредоточено на обжитой его части. Структура последнего включает в себя следующие элементы: ях (сообщество людей, река, заселенная людьми и зверьми местность) – пурс (место рыболовной добычи, род-куст) – коот (поселение). В центре обжитого пространства находится дом, исходной точкой которого служит угол, а умозрительно членищими его разграничительными линиями служат оппозиции мужское – женское, священное – профанное. Мерой измерения разнородного пространства выступает троичность [9. С. 260, 263, 272, 274–275].

Концепцию трехчленной мировоззренческой вертикали в традиционном мировоззрении коренных народов Сибири развивает М.Ф. Косарев. Исследователь ведет речь о параллельном функционировании двух равноправных вариантов трехсферной модели Вселенной: упрощенный и общепонятный, где добро и зло (свет и тьма) имеют четкую пространственную приуроченность, и сложный, эзотерический (шаманский) вариант, где добро и зло (свет и тьма) находятся в непрерывном взаимодействии, постоянно перетекая друг в друга, но при этом стремясь сохранять некое равновесие, не выходящее за определенный критический предел. Выражение времени тоже характеризует двойственность: цикличность и линейность хода. Малое линейное время исчисляется длительностью того или иного хозяйственного или бытового действия [10. С. 451–452].

Время в антропологическом измерении, с опорой на иерархию ценностей, стало предметом исследования В.И. Сподиной. Автор подчеркивает чувственность восприятия времени в культуре обских угров и ненцев, аффективную отстраненность от реального времени. При этом ощущение длительности и насыщенности времени неоднородно: темпорально максимально насыщена неделя, длительностью наделяется период, равный году, а 100 лет и более мыслятся рубежом, за которым теряется понятие времени. По мнению исследовательницы, для восприятия времени характерна ориентация на

прошлое и, как следствие, – безразличие к будущему [11. С. 260–261, 265, 268]. Представляется, что выявленная оппозиция между отношением к прошлому и будущему требует корректировки с точки зрения специфики мифологического сознания и примата «начального» времени над профанным: прошлое детерминирует настоящее, которое, в свою очередь, повторяется в будущем. Все соразмерно и логично выстроено в этой «тотальной цикличности», и ни одна из частей трехмерности бытия не отрицает другую.

Наиболее разработанной темой в пространственно-временных представлениях обских угров стало времячисление. Исследовательские координаты его трактовки заложил А. Алквист. Согласно его характеристике, самый короткий промежуток времени исчисляется продолжительностью варки в котле супа из рыбы или птицы, поэтому и называется «котел». Он равен примерно часу. Сутки определяются как «ночь-день», название недели тождественно вербальному обозначению числа семь, а название месяца совпадает с названием луны. Год понимается как «зима-лето» и делится на периоды-месяцы, определяемые на основе фенологии или занятия, связанного с охотой или рыболовством и доминирующего в соответствующий отрезок времени [12. С. 167].

Указанную схему на более широких материалах подтверждает исследование З.П. Соколовой. Автор приходит к выводу, что формирование календарных систем обских угров происходило в рамках этнографических групп, что объясняет расхождения в некоторых элементах календаря и его терминологии. При этом в качестве специфики мансийского календаря отмечено преобладание терминов, отражающих явления природы и отсутствие аналогий с запорным рыболовством [13. С. 81–83]. На основе традиционного «времячисления» реконструируются представления о времени у обских угров А.В. Головнёвым. Они базируются на идее о четырех сезонах, для каждого из которых исследователем устанавливается специфический знаковый ряд. При этом подчеркивается, что время в обско-угорской традиции мыслится как живое, а его содержание образует череда сменяющих друг друга состояний [9. С. 378–379]. К исчислению времени обскими уграми обращается и В.И. Сподина. Картину понимания времени обскими уграми она дополняет детализацией трактовки малых промежутков времени. Последние определяются по отдаленности от времени высказывания, по совершению каких-либо действий, по наблюдению за положением солнца и звезд [11. С. 278–292].

Итак, применительно к восприятию пространства в картине мира обских угров утвердилась исследовательская парадигма о его многомерности и многослойности. И в зависимости от избранных координат и точек отсчета реконструируются разные модели и варианты объекта. Представление о времени воссоздается чаще в аспекте времячисления, подчеркиваются двухчастность астрономического года и его деление на периоды, заданные спецификой хозяйственной деятельности и фенологией, соотносимость малых промежутков времени с продолжительностью определенных занятий. Историческая наполненность пространственно-временных представлений у обских угров практически не привлекла к себе внимания.

Представляется вслед за Е. Шмидт, что древняя история народа разворачивается в трех хронологических горизонтах. За основу классификации указанным исследователем и автором положен принцип поколенной принадлежности главных действующих лиц.

Самый древний из исторических периодов связан с эпохой первотворения и образом «старой пары» или верховного божества Нум-Торума. Символом первостихии и хаоса в обоих вариантах выступает вода. Она же становится содержанием изначального безграничного пространства.

«Живут старуха со стариком. Повсюду вода. Их дом в воде находится» [14. С. 272].

«Не было ни деревьев, ни сухой земли, везде была вода, везде был туман» [7. С. 209].

Создание земли становится главным действием данного хронологического горизонта, а в роли творца выступает гагара / краснозобая поганка или сам Торум. В результате трехкратного ныряния гагара поднимает в клюве со дна Мирового океана «маленький кусочек земли», приносит его на задворки дома старика и старухи и засовывает между бревнами [14. С. 273].

Акт творения земли Торумом интерпретируется в мифологии двояко. С одной стороны, демиург выступает как деятельностное начало, производя землю из самого себя, из собственной субстанции:

«Сын Светлого-Мужа-Отца, обходя мир, говорит в воду, в туман: „Не мог бы я создать кочку, такую большую. Чтобы она смогла меня выдержать?“, – говорит он. Затем он выплюнул из основания глотки закоптелые сопли: появилась кочка» [7. С. 209].

С другой стороны, подчеркивается некая отстраненность Торума, его условная субъектность: «Бог дал землю, дал ей прийти, дал появиться, он разрешил ее, хотел ее, он „наговорил“ ее» [Там же. С. 208]. В этом случае земля возникает как бы сама по себе, но с позволения Торума.

В любой из версий возникновения земли изначальна она мыслится некоей исходной точкой – комочком или тундровым / торфяным холмом, из которого затем начинает разворачиваться в пространстве и во времени. По этой причине изначальная пара именуются «стариком и старухой тундрового холма» [14. С. 258, 530]. Этот холм, «тундровая земля», составляет основу, на которой позднее формируется земля в современном ее понимании манси.

«Один слой, тундровая земля – черная, при высушивании она получает форму, подобную кирпичному чаю, и крошится в руках. Такая тундровая земля видна, например, в крутых береговых срезах Сосьвы; впрочем, информант сам ее не видел. Тундровая земля старше, она ведет свое происхождение со времен потопы. И только позднее возникла земля, на которой мы живем» [7. С. 208].

С появлением земли возникают новая субстанция и связанные с ней новое пространство и его измерение. Протяженность возникающей земли конечна, ограничена и определяется посредством времени, продолжительностью полета ворона – три, пять и семь дней.

«Полетел. Долго летал, коротко летал. На седьмой день вернулся:

Оказывается, земля стала такой величины: осматривал ее семь дней» [14. С. 273].

В счислении времени первотворения и его событийности доминирует троичность: посредством модуля в три дня определяется последовательность деяний старика, исчисляется продолжительность первого полета ворона, трехкратность характеризует количество ныряний гагары. Измерение малых отрезков времени следует рассматривать скорее как исключение, чем прави-

ло для рассматриваемого этапа, и его единицей служит время закипания супа в котле.

«Третий раз нырнула. Накрошили в котел талой рыбы. Когда котел с мороженой, с талой рыбой вскипел, гагара вынырнула» [14. С. 273].

Таким образом, изначальная эпоха в истории манси мыслится, согласно мифологии, как разворачивание во времени и пространство земли. При этом время и пространство понимаются как хронотоп, в их тесной связи, слитности одного с другим. Пространство трактуется субстанционально, через воду и землю, и в зависимости от последней имеет разную протяженность: соответственно, безграничную и органиченную.

Образами, посредством которых раскрывается акт первотворения как создания земли, служат «старая пара», верховное божество, тундровый / торфяной холм, гагара и ворон. Коннотация первообразов в традиционном мировоззрении манси неоднозначна: священная у первого (Нум-Торум), нейтральная у второго и третьего (холм и гагара), неоднозначная у ворона – негативная и позитивная в зависимости от культурного контекста.

Второй этап, второй горизонт, представленный в картине мифоисторической памяти манси, включает в себя деяния второго поколения небожителей – сыновей Нум-Торума, и прежде всего Мир-сусне-хума, и медведя. При этом сюжетные линии, связанные с ними, развиваются автономно. Мифологическое имя Мир-сусне-хума – Тарыг-пещ-нималя-сов, сказочное – Эква-пырьсь [Там же. С. 18]. Приведенные имена связаны не только с разными фольклорными жанрами, но и с эманациями и, как оказалось, историческими слоями в картине мира манси.

Применительно ко второму этапу речь идет о деяниях Тарыг-пещ-нималя-сова. При этом подчеркивается исходная точка этапа первотворения – тундровый холм, но акцент смещается на развернувшуюся в пространстве землю не как субстанцию, а как на ландшафтную протяженность, ассоциируемую прежде всего с рекой. Именно с этой землей теснее всего и связан Мир-сусне-хум: «Я человек, имеющий свою землю, имеющий свою реку, заскучал по своей земле-реке» [Там же. С. 268]. Наличие указанной связи сигнализирует о формировании нового понятия, связанного с пространством, которое близко к определению «родная земля». Главным деянием героя становится освоение околоземного пространства, что происходит на фоне путешествия за невестами. Кроме перемещения по земле, Мир-сусне-хум проникает на небо, по которому и пролегает его путь на коне, а также в подземелье и в водное пространство. Символами указанных сфер становятся соответственно заяц, ястреб, мышь или мамонт и щука. Преодолевает он и такую опасную стихию, как огонь [Там же. С. 261, 263–264, 278–279]. Созданным и существующим параллельно с землей признается Нижний, или Мертвый мир, который маркируют «семь облезших чирков» [Там же. С. 265]. Наконец, еще одну автономную сферу, куда проникает герой, образует южная страна Мортим-маа, где находится озеро с живой водой [Там же. С. 270]. Как видим, пространство на втором этапе становится разнородным и многомерным, но осевой сферой признается земля-река. Каналами связи между сферами мыслятся лестница или лиственница как путь на небо, дверь – в водное пространство, скала с дырой и железным перевесом – в Мортим-маа. Лиственница, «рожденная землей, рожденная небом», выступает в роли мирового дерева, связу-

ющего разные сферы, и сакрального начала, поэтому и наделяется эпитетом «семивершинная», хотя первым деревом признается кедр [14. С. 258, 262, 267–268, 270, 273, 278, 282].

Интересно, что время на втором, дочеловеческом, этапе антропоморфизмуется в макро- и микроизмерении. Забегая вперед по линейке времени и забывая о людях, которые должны появиться – «когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время», Мир-сусне-хум обеспечивает их добычей: рыбой, утками и гусями [Там же. С. 271, 287]. Измерением будущего человеческого времени становятся совершенные деяния: «сын дорос до охоты на белок», «сын дорос до охоты на лесного зверя» [Там же. С. 259].

Спуск Торумом своего сына-медведя в колыбели из Верхнего мира в Средний дарует людям самый желанный объект охоты и одновременно самого почитаемого зверя, которому посвящены наиболее поэтические фольклорные тексты. Указанное действо задает приоритетные пространственные сферы – небо и землю, при этом акцент в этом сюжете мифопоэтической картины мира манси явно смещен на землю людей. Максимальные границы ее заданы координатами Ледовитого моря на севере и землей Мортим-маа на юге [Там же. С. 304]. Из этой протяженности в центре внимания оказывается определенный локус – «користая земля» обитания людей, на которой промысляет и медведь. Земля рисуется в медвежьих песнях ландшафтно, с доминированием болот, лесной чащи, гор, грив и рек.

«Он прибыл вниз. Вышел из своей люльки.

Сюда делает шаг – болотная лужа, туда делает шаг – болотная лужа.

В самой середине водянистого болота спустился.

За семь полос темного леса, за шесть полос густого леса идет...

На заросшую черемухой, черемуховую гриву поднялся,

На заросшую ягодой, ягодную гриву поднялся» [15. С. 77, 113].

Наиболее детально характеризуются реки – полноводные, с ключевой водой, извилистые.

«Из укромного места бухты семи туман-озер

Поднимается из половодья вытекающая,

половодная река,

Поднимается из ключевой воды вытекающая, с ключевой водой река.

Проезжая многие изгибы извилистой реки,

Смотрю вперед...

Спустился к имеющей какой-то вид реке

с ключевой водой,

Спустился к имеющей какой-то вид, половодной

Реке» [Там же. С. 19, 97].

Если к сказанному добавить сетования на холодный порывистый ветер, комаров и оводов:

«Попадешь на землю,

Тогда узнаешь мучения от роящихся комаров,

роящихся оводов.

Нос не просунуть, уху не проникнуть –

Густой лес на горах...

Холодный, порывистый ветер пронизывает ее» [15. С. 51, 55],

то нетрудно заметить, что география мифологического пространства соответствует природно-климатическим реалиям современной территории проживания манси.

При характеристике пространства уделяется внимание не только ландшафту, оно предстает в сюжетах медвежьих песен как окультуренное. Знаками очеловечивания пространства становятся вплетаемые в повествование упоминания о селениях, крепости, охотничьем амбарчике, содержимое которого нельзя трогать медведю, женском чуме для рожениц. Сакральную сферу презентует описание священного места: «это древнее священное место с изображениями богов» [14. С. 307, 315, 322]. Символом окультуренного пространства становится и река с перегородкой-запором:

«Эта река, которая в прошлом году

Была богата осенней рыбой.

На ней тогда хоть и стоял запор с жердями,

На ней тогда хоть и стоял запор со стойками,

Но теперь он совершенно развалился» [Там же. С. 318].

Измерение пространства осуществляется по принципу соотношения с определенными предметами, процессами: «обнюхивает каждый предмет на расстоянии трех деревьев», «и отскакиваю на расстояние, в три раза большее, чем мой рост», «затем показалась река шириной в дугу полета стрелы» [Там же. С. 312, 318].

Восприятие времени отличает многомерность. С одной стороны, ему приписывается неопределенность, относительность, что подчеркивается через оппозицию долго–коротко: «долго ли шла, коротко ли шла», «долго играли, коротко играли», «длинный отрезок странствий брожу, короткий отрезок странствий брожу» [14. С. 305, 309; 15. С. 111]. Подключение к оппозиции идеи движения ведет к слиянию пространства и времени в восприятии окружающего мира, образному выражению хронотопа. С другой стороны, налицо времясчисление с помощью светлой и темной части суток – дня и ночи: «звон железа, звонкий стук день не умолкает, ночь не умолкает», «везут его три дня с лишком, везут четыре дня с лишком» [14. С. 304; 15. С. 89]. Акцентируется в сутках утро и вечер как пролог и эпилог дня: «весенний длинный день завечерел», «немного забрезжил день», «возникающее утром золотокосое, прекрасное солнце едва вошло», «возникающий утром, приносящий счастье, прекрасный день Най начался» [15. С. 233, 234, 257, 281]. Отголоском определения времени суток по расположению солнца над кронами деревьев стали следующие строки:

«Милый Зверь, пробуждайся!

Кедровка, твоя сестра,

Села на вершине низкого дерева,

Села на границе кроны высокого дерева.

Длинную, длинную иишку

Она уже давно взяла» [Там же. С. 5].

В рассматриваемый период встречается, правда, как исключение, и измерение времени через длительность определенного действия: «сидит он время вскипания котла, сидит время заполнения чашки» [Там же. С. 81].

Кроме того, важна сезонная характеристика контекста событий – лета как времени спуска медведя с неба и поздней осени как времени залегания медведя в берлогу. Если описанию лета свойственны негативные коннотации:

«Душное длинное лето,

Потогонное длинное лето

Открыл Торум, мой Великий-Отец» [Там же. С. 155],

то применительно к поздней осени они нейтральны: «мелкозернистый, зернистый снег, мелкокапельный, капельный дождь», «малоснежная осень для собачьих ног, для звериных ног» [Там же. С. 81, 83], а порой и особенно поэтичны:

«Вот однажды белым инеем

Мхи, лишайники подернулись.

Утро с инеем мой отец послал.

Иней на носу у ворона

В утро то отец послал» [14. С. 306].

Третий горизонт исторической памяти манси связан с людьми в разных фольклорных формах проявления человеческой природы. Можно выделить три варианта этого проявления, и каждый заполняет самостоятельную сюжетную, возможно, и временную нишу.

Первый вариант представлен в сказочных сюжетах об Эква-пырисе, одной из эманаций Мир-сусне-хума, как было отмечено выше. Герой обладает двойственной природой: то он предстает как дух небесного происхождения, что сближает его с изначальными богатырями, к которым относились сыновья верховного бога [8. С. 34], то как существо с человеческой природой. Эта двойственность звучит в его определении – «хитрец и колдун». Будучи хитрецом, выдумщиком и обманщиком и обладая сверхъестественными способностями, он выходит победителем из противостояния со злыми мифическими существами, русскими купцами, богатырями, проникает в разные сферы пространства и становится «хорошим царем», что сближает его с персонажем русских волшебных сказок. Данное обстоятельство подчеркнуто в автохарактеристике: мое имя – «хитрый Ванька» [14. С. 381]. Некоторые сюжеты сказок явно заимствованы из мифологических сюжетов о Тарыг-пещ-нималасове. Но если в последних первостепенное внимание уделено пространству, то применительно к сказкам время и пространство явно второстепенны.

Главное здесь – деятельность и действия, и через них передается ощущение времени-пространства: «близко шел, долго шел», «долго рубила, коротко рубила», «долго ехал, коротко ехал» [Там же. С. 346, 375, 384]. Из астрономических единиц для обозначения времени употребимы день и ночь: «семь дней, семь ночей», «день идет, другой», «ночь проводит, день проводит» [Там же. С. 352, 359, 383]. Встречается приуроченность событий к сезонам – осени, зиме и лету, определение посредством их длительности времени – «семь зим, семь лет». Начало действий, перемена обстановки приурочиваются обычно к утру: «на следующее утро», «наутро», «настало утро» [Там же. С. 357, 351, 370, 377]. В целом подчеркивается больше сам ход времени, нежели его конкретное измерение. Кроме того, явно доминирует перспектива, а не ретроспекция во времени. Действие устремлено в будущее, а мысль о прошлом крайне эпизодична: «старое время» [Там же. С. 351].

Второй вариант человеческой природы презентуют люди-богатыри, которые оставили глубокий след в мифоисторической памяти манси. Содержание героических деяний составляют битвы с различными врагами, как прави-

ло, из-за невест – с напавшим войском, братьями-богатырями невесты, ненцами. Координатными осями для времени и пространства здесь служат героические события, привязанные прежде всего к определенной местности. При этом степень локальной конкретизации пространства различна. С одной стороны, речь идет о неопределенно-далекой территории: «далекий мир, далекая земля», «в деревне, в городе ли», «геройский город, богатырский город», «в одном селе ли, в одном поселке ли», «в земле-то далекой земле, в воде-то, далекой воде геройский сад, богатырский город», «за семью морями, за семью землями город» [14. С. 401, 406, 411, 416, 421]. С другой стороны, пространство «черной земли» описывается топографически точно, с указанием реальных населенных пунктов, рек, географических объектов. Например, пос. Няксимволь, Шомы, Елушкино в устье р. Тап, Лох-Ваны, Вахт, Леуши. Внушительна репрезентативность рек: Щучья река, верховья р. Казым, «беловодная кормилица Сыгва», рр. Конда, Тавда, Оум-я, Хурынг-я. Особые эпитеты характеризуют р. Обь – «кормилица Обь, рыбная Обь». Среди природных объектов упоминаются озера, горы, и прежде всего Урал [Там же. С. 389, 400, 412, 423–424, 426, 428–429]. Действия богатырей разворачиваются преимущественно на земле людей, но возможны выходы и в иные сферы: в «город, достающий небо», и в Нижний мир [Там же. С. 407, 410].

При любом варианте пространственной характеристики трактовка времени и пространства в героическом эпосе максимально приближена к линейной исторической, базирующейся на времени и месте свершения выдающихся событий и связанных с ними выдающихся личностей. Следует отметить, что именно в героическом эпосе присутствует наиболее развитая система описания времени. Она включает в себя архаичные отголоски хронотопа с оппозицией далеко–близко, определение времени по положению месяца на небе: «Когда он готовился воевать, месяц был вверху над облаками. Когда собиралось войско, месяц спрятался» [Там же. С. 408]. Изредка встречается деятельностный принцип указания времени: «Пусть придет до насадки на лыжи свежей шкуры выдры» [Там же. С. 415]. Вместе с тем доминирует астрономический принцип исчисления времени: год как самостоятельная единица («три года», «спустя семь лет», «тридцать лет прошло») и как сумма зимы и лета («два лета, две зимы жила») [Там же. С. 390–391, 402, 423, 390] или четырех сезонов:

«Кончилось лето. Льдом покрылись реки. Наступила зима. Прожили зиму. И зима кончилась. Наступила следующая весна. Прошел лед. Стали на лодке ездить. Наступило лето» [Там же. С. 424].

Как исключение встречается упоминание о неделе, а самыми распространенными единицами времясчисления становятся день и ночь: «день кончился, ночь наступила», «четыре дня, четыре ночи прошло», «пируют семь дней, пируют семь ночей» [Там же. С. 391–392, 419]. Отрезок времени в три и семь дней фигурирует наиболее часто. Смысл понятия «день» в мансийской картине мира приобрел философское звучание, поскольку включил в себя идею продолжительности человеческой жизни и саму жизнь. Об этом недвусмысленно свидетельствуют молитвы, обращенные к духам:

*«Если бы мы могли продолжительный день жизни
Бегущего дальше сына и дальше открывать!
...Предстоящий изобильный...(?) день дочери,
Предстоящий изобильный...(?) день сына»* [16. S. 145, 154].

Согласно приведенному выше мнению Е. Шмидт, параллельно с богатырской традицией, не смешиваясь с ней, существует время прародителей фратрий Пор и Мось [8. С. 34]. Поскольку последние связаны и с людьми, и с медведем, то его можно включить в третий период мифической истории манси как третий вариант проявления человеческой природы. Сюжеты, связанные у манси преимущественно с рожденной медведицей женщиной Мось как прародительницей одноименной фратрии, разворачиваются в следующей пространственной схеме: обычно глухой, дремучий лес или горная лесная сторона и одинокая избушка в нем. Последняя выступает символом «своей земли»: «Я со своей землей, со своей водой человек. Домой идти мне надо» [14. С. 327]. «Дневной жизни» и земному пространству уделено основное внимание в сюжетах о женщине Мось, но присутствуют и экскурсы в иные сферы трехчастной вертикальной модели мира. При этом подчеркивается возможность перехода из посмертного существования, границы которого заданы кладбищем, в «дневную жизнь» и обратно. Отмечается и равновеликость нижней земли и верхнего мира со звездами [Там же. С. 337, 331].

Мотив пути как формы освоения пространства активно проявляет себя во всех рассмотренных фольклорных жанрах манси, но, пожалуй, именно в сказках о прародителях он наиболее нагляден. Через движение и действия героев транслируется мысль о динамике пространства и времени, и базовой здесь вновь оказывается оппозиция долго–коротко: «долго прожил, коротко прожил», «долго шел, коротко шел», «долго ехали, коротко ехали», «долго, коротко жила», «долго горевала, коротко горевала» [Там же. С. 326–327, 332–333, 340]. Обращает на себя внимание оригинальная трактовка календарных сезонов. Они характеризуются не только и даже не столько с позиции времени, сколько состояния природы в описываемый отрезок времени: «Погода-весна настала. Листья выросли, трава выросла... Лето наступило... Пока так жили, лето кончилось. Погода осенью стала. Земля замерзла. Снег падает» [Там же. С. 328]. Указанная трактовка подтверждает мысль З.П. Соколовой о том, что деление года на четыре календарных сезона – более позднего происхождения, чем счет времени по полугодиям: зимний холодный год и летний теплый [13. С. 77]. Применительно к исчислению небольших отрезков времени применяется традиционный принцип соотнесения с определенными действиями и процессами. Так, старшая Порнэ говорит: «Сейчас побыли столько времени, сколько готовится котел» [17. Л. 2]. Этот принцип детализирует текст молитв, направляемых к духам:

«Как долго нужно вариться котлу с холодной рыбой,

Как долго нужно вариться котлу с мороженой рыбой» [16. С. 161].

Итак, для каждого мифопоэтического горизонта исторической памяти манси характерна собственная интерпретация времени и пространства. Для эпохи первотворения, или Нум-Торума, пространство субстанционально (образы воды, земли), а время пространственно. Для эпохи сыновей Нум-Торума пространство ландшафтно (образы рек, леса, болот, озер), очеловечено и лично – «своя земля, своя река». Время многомерно: с одной стороны, ему приписывается относительность за счет оппозиции «далеко–близко», соотносимой с движением, с другой – налицо времясчисление с помощью светлой и темной части суток, акцентирование утра и вечера как пролога и эпилога дня. Третий, человеческий, период становится ареной действия

людей, причем в разных фольклорных формах проявления человеческой природы – Эква-пырьсь, люди-богатыри, прародители фратрий Пор и Мось. Ощущение времени-пространства передается через деятельность и действия. Пространство мыслится локально, правда, степень локальной конкретизации различна: с одной стороны, неопределенно-далекая территория, а с другой – топографически выверенная привязка к реальным населенным пунктам и географическим объектам. Трактовка времени, и прежде всего в героическом эпосе, максимально приближена к линейной исторической. В указанный период присутствует наиболее развитая система исчисления времени, в которой доминируют астрономические единицы – год как сумма зимы и лета, день и ночь. При этом день трактуется и как время человеческой жизни и сама жизнь. Вместе с тем наличие в мифологических текстах пространственно-временных порталов как каналов связи между различными историческими горизонтами перемежает специфику выражения пространства и времени, свойственную периодам, в общей картине мира манси.

Список источников

1. Ретина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
2. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М. : ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.
4. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 161–164.
5. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 340–342.
6. Мелетинский Е.М. Время мифическое // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 1. С. 252–253.
7. Каннисто А. Космологические представления манси / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ, 2019. С. 203–215.
8. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 230 с.
9. Головин А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 607 с.
10. Косарев М.Ф. Пространство и время в сибирском языческом миропонимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. М. : Старый сад, 2001. С. 439–454.
11. Сподина В.И. Человек и Время в угорско-самодийской картине мира (на материалах хантов, манси и ненцев) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. 490 с.
12. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
13. Соколова З.П. Времясчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990. С. 74–105.
14. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
15. Антология поэзии медвежьего праздника северных манси / сост. Н.В. Лукина, С.А. Попова. Ханты-Мансийск : Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 510 с.
16. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Gesammelt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von E.A. Virtanen und M. Liimola. Helsinki, 1958. 443 S. / пер. с нем. Н.В. Лукиной.
17. Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Ф. 869. В.Н. Чернецова. Д. 39.

Referenses

1. Repina, L.P. (2016) Historical memory and national identity: approaches and research methods. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 54. pp. 9–15. (In Russian)

2. Mazur, L.N. (2013) The image of the past: the formation of historical memory. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. 3(117). pp. 243–256. (In Russian)
3. Levi-Strauss, C. (1999) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Translated from French. Moscow: TERRA–Knizhnyy klub; Respublika.
4. Toporov, V.N. (2000a) Model' mira [Model of the world]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 161–164.
5. Toporov, V.N. (2000b) Prostranstvo [Space]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 340–342.
6. Meletinsky, E.M. (2000) Vremya mificheskoe [Mythical time]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 252–253.
7. Kannisto, A. (2019) Kosmologicheskie predstavleniya mansi [Cosmological representations of Mansi]. Translated from German by N.V. Lukina. In: Derevianko, A.P. & Elert, A.Kh. (eds) *Zerkala kul'tur: Pamyati A.M. Sagalayeve* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: IAET. pp. 203–215.
8. Schmidt, E. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya* [The traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]. History Cand. Diss. Leningrad.
9. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
10. Kosarev, M.F. (2001) Prostranstvo i vremya v sibirskom yazycheskom miroponimani [Space and time in the Siberian pagan worldview]. In: Devlet, M.A. (ed.) *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Yevrazii* [World Outlook of the Ancient Population of Eurasia]. Moscow: Staryy sad. pp. 439–454.
11. Spodina, V.I. (2017) *Chelovek i Vremya v ugorsko-samodiyskoy kartine mira (na materialakh khantov, mansi i nentsev)* [Man and Time in the Ugric-Samoyedic picture of the world (on the materials of the Khanty, the Mansi and the Nenets)]. History Dr. Diss. Moscow.
12. Ahlqvist, A. (1999) *Sredi khantov i mansi. Putevye zapisi i etnograficheskie zametki* [Among the Khanty and the Mansi. Travel records and ethnographic notes]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Sokolova, Z.P. (1990) Vremyaschislenie u obskikh ugrov [Time reckoning among the Ob Ugrians]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Traditsionnaya obryadnost' i mirovozzrenie malyykh narodov Severa* [Traditional ritual and worldview of small peoples of the North]. Moscow: USSR AS. pp. 74–105.
14. Lukina, N.V. (ed.) (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and the Mansi]. Moscow: Nauka.
15. Lukina, N.V. & Popova, S.A. (eds) (2020) *Antologiya poezii medvezh'ego prazdnika severnykh mansi* [Anthology of the poetry of the bear holiday in the northern Mansi]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk.
16. Kannisto, A. (1958) *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Translated from German by N.V. Lukina. Helsinki: [s.n.].
17. Tomsk State University. (n.d.) *Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia V. M. Florinsky*. Tomsk State University. Fund 869. File 39. (Unpublished Source)

Сведения об авторе:

Рындина О.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ryndina O.M. – Department of culturology and museology of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 15.05.2022.